

Шаровая молния

Непритязательная цыплячье-лимонная Тойота мчалась по трассе на север от краевого центра. В машине были двое: он и она, да повисшая вопросом тишина. За окном привычно мелькали сибирские сосны и ели на которые навалился предновогодний снег. «Мне ель свою протянет лапу» - вспомнились слова из песни их общего друга, поэта и композитора.

Неповторима и могуча сибирская природа. Она завораживает своей первозданностью и чистотой.

Ровный, размеренный гул двигателя и мелькавшие за окном виды навивали умиротворение и покой. Ей хотелось успокоиться, забыться и прижаться к теплому родному плечу близкого человека, который остался далеко, где-то там в Европе.

Эти две недели выдалась невероятно тяжелыми и и тягостно-тугими , как свинцовые тучи. Чтобы так – это было впервые. У неё было свое дело, как она называла свой бизнес. Не бизнес, а именно Дело.

Как дети собирают пазлы, так и она год за годом собирала его по маленьким кусочкам, выискивая людей, оттачивая их профессионализм. Выстраивая всё с невиданной тщательностью и с любовью, и заботой, иногда излишней. Весь нереализованный материнский инстинкт был отдан Делу. И вот всё навалилось враз. Выросшие «дети» озадачились недетскими шекспировскими вопросами: быть или не быть, а если быть, то как ? Что первично: Я или дело ? И две недели по приезду из Европы она отдавала всю свою душу выросшим вдруг «деткам».

Ответы на все вопросы были даны, Дело пришло в равновесие, но забрало все душевные силы.

Поездка в филиал была последней задачей в этот приезд и дорога дала возможность перевести дыхание, радуясь разлапистым елям, белому снегу и предстоящей новогодней встрече с самым близким человеком. Радовалась просто жизни.

А жизнь её сложилась удачно. Она построила своё Дело, которое было зажигательно-интересно и разрасталось, кормило и её, и множество людей. Не обокрала её, как обычно бывает, судьба и в остальном. Она была замужем за всепонимающим мужчиной–другом. В её жизни не было с неба свалившейся удачи. Талант и трудолюбие были теми матрицами и пуансоном, которые выпрессовали ее судьбу.

И вот люди с которыми она строила, чьими судьбами занималась все эти годы, вдруг все одновременно потребовали от неё именно той созидательной и завораживающей энергии, которой так не хватает всем в этой жизни.

«Никуда не денешься от любви.....Оставайся частью Света», - пела в динамиках Арбенина. Она откинула голову на подголовник и увидела себя маленькой девочкой, которая каждый день ходила мимо таких же разлапистых в снегу деревьев и представляла себя волшебницей. Эту детскость она не потеряла и медленно приближаясь к четверем десяткам лет своей жизни. В душе было двадцать восемь, не больше и не меньше. И это было правдой.

Вид за окном машины вдруг изменился, благодаря березам, которым ели уступили место. Открылась уходящая вдаль панорама перелесья и этот простор принес очередную волну покоя и умиротворения.

Если бы в машине раздался взрыв, то это было бы не столь для неё неожиданно, как то что он заговорил. То, как он заговорил, и то, как он говорил, несли в себя необузданную какую-то силу и какой-то раздирающий крик. В этом безостановочном монологе, напоминающем высекающую всё вокруг пулеметную очередь, была копившаяся всю его жизнь злость, боль и обида.

Босоное, хулиганистое детство этого рыжего пацана прилепило ему прозвище Тигр. Так и прожил он с ним, и оно было его единственным постоянным спутником всей жизни. Было в нем что-то кошачье, коварное и непредсказуемое.

Детство в одной из мононациональных республик не пахнет сахаром. Там выживать нужно учиться в буквальном смысле и финка в кармане не дань пацанской моде.

Тогда и сжался в пружину, которая в своем стремлении распрямиться «выйти в люди», толкала в спину не хуже конвойного автомата.

И он рвал и грыз, учился и работал, принимал удары и карабкался. Взобравшись на казавшийся вершиной холмик сваливался оттуда, либо ему помогали свалиться, либо сбивали. Он озлоблялся на себя, на людей. И снова грыз и карабкался, и толкался. Но вдруг холмики в его жизни закончились и началась равнина. К этому он не был готов.

Деловой мир поносившись по головокружительным горкам девяностых тоже выскочил на ровный путь развития. И бывшие качества: решительность и мужество стали не нужны и часто смотрелись как ненужный атавизм-хвост у человека, над которым природа совершила какую-то ошибку в генной арифметике.

В моду вошли дипломатичность, дружба с властью, умение быть нужным и другие елейные качества, которых он не имел. И он выпал из жизни, по инерции пытаясь карабкаться и рвать. И продолжал копить злобу на себя, на неудавшуюся семейную жизнь, на власть, на всё окружающее. Как будто трещала и лопалась натянутая гигантская струна с тонкой октавой по которой вдруг ударили, издавая гул вперемешку с воем.

Его монолог был долгим и занял две трети неблизкой дороги. Она не проронила ни слова. Она сама себе напоминала разродившуюся непомерным числом щенят суку, которую переросшие щенята, но продолжавшие любить молоко, высосали и выпили. Она была устало-удовлетворенной, исполнившей материнский долг, но обессиленной. И не было ничего, чтобы дать этому озлобленному до последнего предела человеку. Даже слов. Её муж, дабы не оскорблять его обостренное самолюбие, подкинул работу водителя, которая опять же была не в радость.

Ей хотелось закричать: что же вы сделали с собой и со своей жизнью? Но она молчала, а он говорил, не останавливаясь. Салон машины наполнялся и наполнялся, ощущаемой уже физически злобой, которая медленно начала собираться в почти видимый шар. Когда он закончил вопросом: как жить-то?

Шар повис весьма реально и придавил и его, и её, продолжая висеть и наливаясь свинцово-тягостной энергией злобы и не собиравшись исчезать И что с этим делать - ни он, ни она не знали. Так и ехали молча с шаром, который все более чернел.

Машину сначала заюзило, потом кинуло в одну сторону, потом в другую. Он отчаянно пытался выровнять, но ее ударило носом и перебросило через полуметровый снежный бордюр.

Она не кричала в этом коротком полете и лишь одна мысль в на секунду выскочившем сознании: «Неужили это всё ? Как глупо...», - пролетела пулей.

Машина лежала на боку и он испугался, так как не слышал привычного при авариях женского крика. Оба были живы и без всяких травм. Шар исчез. Они выбрались с трудом наружу. А с машинных динамиков Арбенина, либо Сурганова неожиданно пропела: « А надо просто жить и чувствовать, что жив...

Последние шаги в системе бытия, прощальный вздох любимых рук, ...и мир внезапно превратится в горсть земли....

О чем просить? – ведь всё предрешено»

Она посмотрела в его рыжие глаза, но перед ней стоял совсем другой человек.....